

Аввакум. Для подтверждения этих характеристик напрашивались якобы исторические параллели: «от всенощных — тех пиров» у древних иудейских первосвященников, обрекших Христа на казнь, у Анны и Каиафы — «толсты были брюха-те у них, как и у вас, никониян».⁸ Возникал обобщенно-гротескный образ: «никонианин», лицемерно «воздыхая, яко гороу, брюхом колеблет».⁹

Острый социальный характер этой критики «никониан» подчеркивался прямой зависимостью между изменением их внешности и изменением их церковно-иерархического положения. Успешная служебная карьера, по наблюдениям Аввакума, резко меняла облик человека: «Кажутца, яко постницы, даже вящши чин улучат. Егда же въздет на высоту, тогда от воздержания и раздует его девство. Где-ся у святого отца кожа возьмет! Был тоненек, а стал брюхат, яко корова-матушка, пестрая или черная».¹⁰

Итак, князья государственной церкви «вид имеют от главы и до ног корпуса своего насыщенной, и дебелой, и упитанной в толстоте плоти их сыроостной, ... шей у них, яко у телцов в день пира упитанны...» (317). Точно такими же признаками отличалась, по Аввакуму, внешность светского богача: было у него «брюхо-то толстое», потому что он «любил вино и мед пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленые куры» есть (390).

Естественно, что столь изобильная «плоть» феодалов требовала и соответственных пышных одеяний. Аввакум писал: «... и у нас ... украшают плоть, а душу же презирают, а инии строят многоценныя ризы, инии вознаграждают дома красныя..., кони и колесницы..., и на псах ожерелки шелковые и колца серебряные» (517—518). Само изменение форм одежды «никонианского» духовенства подчинялось, как полагал Аввакум, потребностям его грешного «жития». Новомодные облачения представителей государственной церкви вызывали свирепые нападки Аввакума.

«Никонианский» поп, писал он, «подпояшется по титкам, вздевши на себя широкий жюпан! Так-то святыя предали смирения образ носить?» (279). Внешний «образ смирения», выражавшийся в одежде священника, должен был, по мнению Аввакума, отвечать также и практическому осуществлению аскетических идеалов. «Помнишь ли? — поучал Аввакум, — Иван Предтеча подпоясывался по чреслам, а не по титкам, поясом усменным...: чресла глаголются под пупом опоясатися крепко, да же брюхо-то не толстеет» (280).¹¹ Это предложение иллюстрировалось непревзойденным по остроте своего гротескного обобщения обращением автора к «никонианину»: «А ты что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе ро-

⁸ ГБЛ, ф. № 242, собр. Г. М. Прянишникова, № 61, л. 107 (далее: собр. Г. М. Прянишникова).

⁹ «Слово» Аввакума о «рогате клобуке». См.: В. И. Малышев. Два неизвестных письма протопопа Аввакума. — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958 (далее: В. И. Малышев), стр. 420.

¹⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Под общей редакцией Н. К. Гудзия. ГИХЛ, М., 1960 (далее: ГИХЛ), стр. 273. Корова «пестрая или черная» — сатирический намек на иерархическое членение князей церкви, которые разделялись на «власти белые» (митрополиты в белых клобуках), «власти черные» (архиепископы и епископы в черных клобуках) и «власти пестрые» (те и другие, взятые вместе).

¹¹ Известный писатель XVII в. Евфимий (см. о нем ниже), рассуждая об иконописи, подтверждал: «Предтеча же ... одежду имяше из велблуждих власов ... и пояс кожаный» (Вопросы и ответы из русской иконописи XVII века. — Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, издаваемый под редакцией Г. Филимонова, М., 1874, № 1—3, Материалы) (далее: Евфимий. Вопросы и ответы..., стр. 19).